

12+

Алёна Зорина

Аромат счастья

Алёна Зорина

Аромат счастья

«Издательские решения»

Зорина А.

Аромат счастья / А. Зорина — «Издательские решения»,

Однажды из реки на берег вышла странная девушка с ледяными руками, не знающая ничего о мире людей. Её привёл сюда манящий запах свежей выпечки, прямо в уютную кофейню «Тихая гавань».

© Зорина А.

© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ: Земля	6
Глава 1. Чужая куртка и тёплый чай	8
Глава 2. Наблюдатель из подсобки	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Аромат счастья

Алёна Зорина

© Алёна Зорина, 2026

ISBN 978-5-0070-5405-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Уютный роман о кофе, воде, одном упрямом рыжем коте и людях,
которые умеют согревать.

ПРОЛОГ: Земля

Утренняя река была тихой, сонной и покрытой легким, как сигаретный дым, туманом. Вода казалась тяжелым жидким стеклом, в котором неподвижно отражались плакучие ивы и бледно-розовое рассветное небо. В этой воде не было веса, не было забот, страхов и времени. Было лишь бесконечное, прохладное течение, убаюкивающее душу на протяжении множества лет. Под водой мир казался простым: ты просто плывешь туда, куда несет тебя река, гладишь пальцами гладкие речные камни, наблюдаешь за медлительными рыбами и ни о чем не думаешь. Время там было заикленное в бесконечном круговороте капель, туманов и дождей.

Вдруг у самого берега, где заросли камыша мягко шуршали под едва заметным дыханием ветра, гладь воды пошла кругами. Она расступилась без всплеска, почти бесшумно. И на илистый берег вышла девушка.

На ней было простое платье из серого шифона, мокрое по всей длине. Она сделала первый шаг по мягкой прибрежной траве и тут же пошатнулась. Её плечи резко опустились, словно на них набросили тяжелый, невидимый мешок с мокрым песком. Девушка удивленно посмотрела вниз, на свои босые ноги. Она осторожно пошевелила пальцами, наблюдая, как между ними просачивается влажная земля, и сделала второй шаг — медленный, неловкий, балансируя руками, словно канатоходец. Земное притяжение казалось ей странной, грубой силой, которая упорно пыталась прижать её к земле. Каждая косточка в теле теперь казалась тяжелой, сделанной из плотного речного камня. Воздух вокруг был слишком сухим, он обжигал горло при каждом вдохе, заставляя грудь тяжело подниматься и опускаться.

Утренний воздух на суше был сухим и пыльным. В воздухе кружилась пыль. Девушка сморщила нос и чихнула — громко и влажно, словно рыба плеснула в камышах. Она удивленно потрогала кончик носа пальцами. Вроде на месте.

Для неё всё было новым: эта шершавая пыль, эти колючие травинки под ногами, это огромное яркое солнце, которое медленно поднималось из-за горизонта и начинало припекать плечи. Она посмотрела на свои руки — кожа была бледной, почти прозрачной. Она провела ладонью по стволу старой березы, удивляясь шершавости коры.

Она замерла, прислушиваясь. Мир вокруг был наполнен сотнями незнакомых, резких звуков: где-то вдали задорно запел петух, залаяла собака, глухо затарахтел мотор далекой машины. Но сильнее всего по её чувствам ударили запахи.

Это не был привычный аромат сырого ила, речных водорослей или прелой ольхи у обрыва. Свежий утренний ветер принес со стороны сонного, только просыпающегося городка нечто совершенно новое — густой, теплый, кружащий голову запах свежей дрожжевой выпечки, растопленного сливочного масла, корицы и сладкой ванили. Девушка потянула носом воздух, прикрыла глаза от удовольствия и двинулась вперед, прямо на этот манящий аромат, забавно переставляя ноги она словно заново учась держать равновесие на этой твердой, неподвижной и такой тяжелой земле. Она шла медленно, осторожно ступая по обочине дороги, ведомая этим запахом, как невидимой нитью.

Где-то на окраине города, у самого первого деревянного дома с резными ставнями, со скрипом приоткрылась деревянная калитка. Звонкий женский голос позвал куда-то в глубь переулка:

— Катя! Катя, домой! Завтракать пора, остынет всё!

Девушка на дороге застыла. Она прикоснулась холодными тонкими пальцами к своим сухим губам, беззвучно шевеля ими, а затем тихо, пробуя звук на вкус, произнесла:

— Ка-тя.

Слово прозвучало коротко, мягко, с легким влажным всплеском на конце. Девушка довольно улыбнулась самой себе, поправила мокрый подол платья и пошла быстрее — туда, где над черепичными крышами поднимался первый дымок из пекарни, обещающий тепло и мягкий хлеб. С этого дня у неё появилось настоящее имя.

Глава 1. Чужая куртка и тёплый чай

Летний полдень плавил асфальт так, что тот казался мягким, как пластилин. Горожане лениво передвигались по теневой стороне улиц, спасаясь от безжалостного зноя. Листья на деревьях неподвижно висели в горячем воздухе, и даже птицы замолкли, спрятавшись в густых кронах. Воздух дрожал над дорогой, словно над горячей плитой, искажая очертания домов вдали.

У стеклянной двери кофейни «Тихая гавань» уже больше получаса неподвижно стояла странная бледная девушка. Она буквально прижалась лбом к стеклу, оставив на нем легкое запотевшее пятнышко, и завороченно наблюдала за происходящим внутри. Её глаза, огромные и серо-зеленые, как речной омут в пасмурный день, следили за каждым движением внутри прохладного зала. На ее ногах не было обуви — грязные босые ступни забавно контрастировали с чистым плиточным крыльцом кофейни. Она не шевелилась, словно была частью каменной стены здания, и редкие люди, проходившие мимо, удивленно оглядывались на неё.

Дверь резко распахнулась, заставив весело звякнуть медный колокольчик. Из прохладного полумрака зала на крыльцо вышла рыжая кудрявая девушка в ярком фартуке с логотипом кофейни. В руках она держала картонную коробку с бумажными стаканчиками. Она остановилась, пристально оглядела странную гостью с ног до головы и уперлась рукой в бок.

— Привет! Ты чего тут у стекла стоишь? — весело спросила рыжая, забавно приподняв бровь. — У нас, конечно, кондиционер работает на полную мощность, но лбом его прохладу не почувствуешь. Да и стекло жалко, я его только утром намыла специальным средством, чтобы блестело.

— Я чувствую запах, — серьезно и очень тихо ответила бледная девушка. Голос у нее был прохладным, ровным, без единой фальши, словно чистая вода текла по гладким камням.

Рыжая бариста на секунду замолчала, моргнув длинными ресницами. Она еще раз оглядела мокрый подол платья, босые ноги и бледные, почти прозрачные пальцы гостьи. В её голове явно крутилась мысль о том, откуда могла взяться эта странная девица посреди жаркого дня. Выглядела она так, словно прошла пешком не один десяток километров.

— Так, понятно. Очередной побег из дома в летнем варианте, — девушка вздохнула, но в её карих глазах загорелся живой интерес. — Ладно, беглянка. Я Соня. А тебя-то как зовут?

— Катя.

— Отлично, Катя. Заходи давай внутрь, пока наша хозяйка Марина Павловна не вернулась из банка и не устроила мне разгон за то, что я людей на крыльце держу. Хотя ты выглядишь странно. Ты откуда такая взялась? Из речки местной вылезла, что ли?

— Да, — просто и без тени смущения ответила Катя.

Соня хихикнула прикрыв рот ладонью:

— Ну, шутить ты умеешь! Заходи, не стой на жаре, а то растаешь еще под этим солнцем.

Соня схватила Катю за руку, чтобы затащить в зал, но тут же испуганно отпрянула, затряса ладонью, словно прикоснулась к куску льда в зимний день.

— Ого! Ну ты и ледышка! На улице тридцать градусов, асфальт плавится, а у тебя пальцы как из холодильника! Ты вообще человек? У тебя кровь вообще теплая? Как можно быть такой ледяной в июне? Это просто невероятно.

Она завела Катю в прохладный, пахнувший свежим кофе зал кофейни, усадила её на самый дальний мягкий диванчик в углу, а сама пулей умчалась в подсобку. Через полминуты она вернулась, неся в руках огромную, старую джинсовую куртку мужского покроя.

— На, накинь. Это Лёшкина куртка, моего приятеля-программиста. Он её тут постоянно забывает, растеряха. А то на тебя смотреть больно, у меня аж мурашки по коже побежали. Завернись хорошенько и грейся.

Катя послушно просунула руки в огромные рукава. Куртка пахла лавандовым мылом, сухой травой и пылью. Она была жесткой, но удивительно теплой, сохраняя остатки человеческого тепла и уюта. Катя укуталась в неё, как в кокон.

В этот момент из-за углового столика послышался сухой кашель. Пожилой мужчина в аккуратном пиджаке опустил газету с кроссвордом и строго посмотрел на девушек поверх очков. Это был Семён Петрович — местный пенсионер, который каждое утро проводил в кофейне за разгадыванием головоломок и выпивал ровно одну чашку цикория. Он не любил изменений в своей жизни и всегда требовал идеальной тишины и покоя.

— Софья, — сухо произнес он, постукивая карандашом по столу. — В вашем заведении сегодня на удивление шумно. И дует из открытой двери. У меня буква «к» в слове из шести букв: «Водное чудище женского пола».

— Семён Петрович, дорогой, это не дует, это к нам нимфа речная пожаловала! — отшутилась Соня, ничуть не смутившись его строгого тона. — А чудище ваше — это, наверное, «кикимора». Попробуйте, вдруг сойдется в ваших клеточках.

Семён Петрович нахмурился, пересчитал буквы на пальцах, проворчал что-то себе под нос, но карандаш послушно заскрипел по газетной бумаге.

Колокольчик над дверью весело звякнул, и в зал вошла Марина Павловна — статная женщина в уютном вязаном кардигане и очках на золотой цепочке. Она несла тяжелую коробку со сливками и сразу остановилась у входа, удивленно разглядывая Катю в огромной джинсовке Лёши и с босыми ногами.

— Соня, — негромко спросила хозяйка, опуская коробку на стойку. — Это кто? У нас что, новые правила дресс-кода для посетителей, о которых я не знаю?

— Марина Павловна, знакомьтесь, это Катя! — Соня тут же подлетела к ней, заговорила понизив голос, но так, что слышал весь зал. — Наша спасительница и новая посудомойка! Анечка-то вчера умотала на юг за любовью всей жизни, оставив нас тонуть в грязных чашках. А у Кати просто феноменальная, редкая страсть к чистоте! И руки золотые.

Марина Павловна подошла ближе к диванчику, критически оглядев Катю поверх очков:

— Катенька, здравствуй. Сбежала от родителей? Или от жениха? Уж больно ты бледная, да и обувь где-то потеряла.

— Здравствуйте, Марина Павловна, — Катя постаралась улыбнуться самой вежливой улыбкой и заговорила очень старательно, пытаясь казаться обычной девушкой. — Я ниоткуда не сбегала. Я приехала пешком. Из... пригорода. На автобусе. Автобус — это очень хорошая человеческая машина. А ботинки утонули в луже. Лужи на суше очень глубокие. И я очень люблю мыть посуду. Это моя главная страсть в жизни. Я очень трудолюбивый гражданин.

Марина Павловна удивленно приподняла брови, переводя взгляд на Соню. Соня закивала с отчаянным усердием:

— Вот видите! Человек с такой страстью к грязным тарелкам рождается раз в сто лет! Марина Павловна, ну умоляю, давайте возьмем её! Она посуду моет так, что чашки буквально светятся. И Лёшкину куртку уже примерила, значит — своя!

Марина Павловна тихонько вздохнула, но в её глазах загорелись теплые, почти материнские искорки. Она смотрела на бледную, дрожащую в чужой куртке девочку и видела то, перед чем в этих стенах не привыкли закрывать дверь — озябшую неприкаянность.

— Ну хорошо, — ласково произнесла она. — Страсть к тарелкам — это редкость в наши дни. По документам потом оформим как стажёра, а пока побудешь у нас «волонтером» с питанием. Я не кусаюсь, а трудовая инспекция к нам по пятницам не ходит. Так что не пропадешь! Соня, выдай девочке фартук и найди на складе старые кеды Анечки. Негоже барышне босиком по кафе ходить. И супом её покорми обязательно, совсем исхудала. И супом её покорми обязательно, совсем исхудала.

— Есть, шеф! — весело отрапортовала Соня, шутливо приложив руку к голове.

Вскоре Соня поставила на столик перед Катей тяжелую глиняную кружку глубокого синего цвета, от которой поднимался густой ароматный пар. Рядом легла пышная булочка с корицей, щедро присыпанная сахарной пудрой.

— Пей. Это чай с бергамотом. Я туда три ложки сахара положила, чтобы ты побыстрее согрелась и пришла в себя. Давай, кушай, не стесняйся.

Катя нерешительно обхватила кружку ладонями. Её пальцы коснулись горячей глины, и на бледных щеках тут же проступил едва заметный розовый румянец. Тепло медленно поднималось по рукам, проникая в грудь. Катя сделала маленький глоток и тихонько, едва слышно замурлыкала под нос какую-то монотонную, убаюкивающую мелодию без слов, прикрыв от удовольствия глаза. Она никогда раньше не чувствовала такого приятного тепла внутри себя. Она сделала еще один глоток, чувствуя, как уходит тяжесть.

— Ну надо же, работает чай, — улыбнулась Соня, облокотившись на стойку и с интересом наблюдая, как Катя бережно откусывает кусочек булочки. — Слушай, Катя. А документы-то у тебя вообще есть? Паспорт там, полис? Или ты путешествуешь совсем налегке, без лишних бумаг?

— У меня есть имя. И руки.

Соня снова рассмеялась, поправляя выбившийся из её кудрей простой карандаш:

— Руки — это хорошо! Руки нам очень нужны. Наша посудомойка Анечка вчера уехала на море со своим новым кавалером, оставив нас с Мариной Павловной один на один с горой грязной посуды. Хочешь подработать? Платят нормально, Марина Павловна у нас мировая женщина, обедом кормит. Ну и чаем с булками я тебя всегда обеспечу в любом количестве. Посуду мыть несложно, справишься.

— Я согласна, — Катя кивнула, аккуратно слизывая сахарную пудру с губ. Она не очень понимала, что от нее требуется, но ей было очень интересно.

— Ну-ну, — усмехнулась Соня, убирая пустую коробку. — Добро пожаловать к нам в «Тихую гавань»! Пошли, покажу тебе твое рабочее место, тут тепло и сухо.

Глава 2. Наблюдатель из подсобки

Работа посудомойки оказалась для Кати настоящей находкой. Добрая Марина Павловна разрешила ей временно поселиться в крошечной, но чистой кладовой над кухней — там всегда пахло ванилью, было тепло и сухо, а по ночам сквозь тонкие стены доносились незнакомые звуки засыпающего города.

Большую часть времени она проводила в небольшой подсобной комнате за плотной льняной ширмой. Отсюда, оставаясь совершенно невидимой для гостей, она могла часами наблюдать за жизнью кофейни сквозь небольшую щель в ткани. Мир людей казался ей удивительным спектаклем, где каждый выполнял свою странную роль, куда-то спешил, о чем-то спорил и постоянно говорил о своих проблемах.

А посмотреть в «Тихой гавани» было на кого.

В левом углу у окна почти весь день проводила Алёна — молодая художница с вечно растрепанными волосами и в яркой футболке ягодного цвета, которую она словно не меняла. Она работала на своем планшете, то и дело вздыхая, ероша волосы и заказывая огромные кружки горячего шоколада с маршмеллоу. Катя через щелку видела, как Алёна стирает один и тот же набросок по десять раз, тихонько ругаясь на творческий кризис и сердитых заказчиков, которые не принимали её работу. Алёна казалась Кате забавным зверьком, свившим гнездо среди подушек дивана.

А ровно в три часа дня, как по часам, за средний столик садилась Элеонора — строгая бизнес-леди в стильном брючном костюме. Она всегда громко разговаривала по телефону через беспроводной наушник, рассыпая вокруг себя непонятные деловые слова вроде «дедлайн», «конверсия» и «отчетность». Её лицо всегда было напряженным, на нем лежала печать вечной усталости, и она никогда, ни при каких обстоятельствах не улыбалась сотрудникам кофейни.

Но в Катиной подсобке, когда она начинала мыть посуду начинались настоящие чудеса, которые Катя творила совершенно естественно, даже не задумываясь об этом.

Вода под её руками текла как-то иначе: струи становились мягкими, послушными, они словно сами ласкали грязную посуду, аккуратно смывая остатки пищи. Катя просто опускала руки в глубокую раковину. Ей не нужны были жесткие губки, моющие средства или мыло с сильным химическим запахом лимона. Жир, следы помады и присохшие крошки исчезали мгновенно, не оставляя и следа. Посуда становилась идеально чистой и сияла под лучами солнца так, словно её долго и тщательно натирали сухим полотенцем. На чашках и тарелках не оставалось ни единого пятнышка или развода. Вода словно не хотела расставаться с её пальцами, стекая тонкими прозрачными нитями.

Соня, забежав в подсобку за чистыми бокалами, каждый раз удивленно качала головой и рассматривала посуду на свету:

— Кать, признайся честно, ты их заколдовала? — Соня повертела бокал на свету, нахмурилась на мгновение, словно пыталась что-то сообразить, но тут же тряхнула кудрями и рассмеялась. — Ладно, не говори. Пусть это будет твой профессиональный секрет.

Катя в ответ лишь тихонько улыбалась и продолжала свою нехитрую работу.

Человеческий быт и технологии вызывали у Кати массу вопросов, которые она задавала Соньке с самым серьезным выражением лица. Больше всего её озадачила микроволновка в кофейне, для работников. В первый же день работы она застала Соню за разогревом домашнего обеда в стеклянном контейнере. Катя подошла вплотную к прибору, она смотрела и наблюдала за вращением еды.

— Соня, зачем эта тарелка крутится внутри ящика? — шепотом спросила она. — Она совершает важный ритуал? Она молится богу горячего супа?

Соня, которая в этот момент пила прохладную воду из стакана, поперхнулась и громко закашлялась, залив водой рабочий стол.

— Ох, Катюш! Ну ты даешь! — Соня вытерла губы бумажной салфеткой, содрогаясь от смеха. — Это просто микроволновка. Там невидимые волны, и типа крутится подставка, чтобы еда прогрелась равномерно со всех сторон и не осталась холодной внутри. Никакой магии, обычная бытовая техника. Хотя твоя версия мне нравится гораздо больше. Надо Лёшке рассказать, он оценит концепцию религиозных макарон. Представляешь, макароны-паломники!

Следующим открытием для Кати стал обычный тостер. Когда из него со звонким щелчком вылетели два румяных кусочка хлеба, Катя испуганно отпрянула назад, замахнувшись на прибор кухонным полотенцем, словно защищаясь от нападения.

— Почему эта железная коробочка плюется едой? Она сердится на нас и бросается хлебом? Она голодная?

— Нет, она просто закончила поджаривать хлеб, — сквозь смех объясняла Соня, убирая полотенце из рук Кати. — Она не сердится, она просто очень резвая. Так надо, чтобы хлеб выпрыгивал, иначе он сгорит внутри.

А однажды Катя удивила Семёна Петровича, который разгадывал кроссворд в своем углу. Она подошла к его столику, чтобы забрать пустую чашку из-под цикория.

— Семён Петрович, — тихо спросила она, глядя на его газету. — А почему вы ищете слова, которых нет на этой бумаге? Зачем писать их в эти пустые клетки? В чем смысл этой игры? Это приносит радость?

Пенсионер удивленно поднял глаза, поправляя очки на носу:

— Как это нет, милочка? Я их угадываю по подсказкам, которые написаны рядом. Вот, например, загадка: «Прозрачный, холодный, бьет из-под земли». Восемь букв, на «и» начинается, на «к» заканчивается. Не могу вспомнить слово, память подводит на старости лет. Совсем голова не соображает сегодня, старею.

— Источник, — мгновенно ответила Катя, глядя на него своими глубокими, внимательными глазами. — Но он не бьет землю. Он просто вырывается наружу, из глубины. Ему там тесно.

Семён Петрович моргнул, пересчитал буквы в клетках простым карандашом, и его лицо выразило крайнее изумление.

— Хм. Действительно, подходит... Источник. Восемь букв. И как я сам не догадался? Спасибо, странная девочка. Ты очень сообразительная, хоть и молчаливая. Подходи почаще, помогай старику.

Еще одной загадкой для Кати стали зонты.

В один из июльских дней на город обрушился проливной, теплый летний ливень. Небо потемнело, огромные тяжелые капли с шумом застучали по асфальту, смывая городскую пыль

и наполняя воздух свежестью. Люди на улице с криками побежали прятаться в подворотни, магазины и под навесы. Те, у кого были с собой зонты, спешно раскрывали их над головой, стараясь не упустить ни одной капли дождя внутрь, себе на одежду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.